

ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА (XVI–XIX вв.)

В статье анализируются базовые составляющие повседневной культуры уральского казачества. Казачество сохраняло общинные элементы, имело свои особенности в семейном укладе, строительстве и устройстве жилища, а также в ассортименте и приготовлении пищи. Эти черты приобрели устойчивый, уникальный характер и сохранялись вплоть до начала XX в., что позволяет считать уральское казачество субкультурным образованием.

Характеризуя казаков XVI–XVII веков, И.Ю. Марций отмечал, что казаки – люди непостоянные, беспокойные от природы и охотники до разбоя [14, 63]. Н.И. Фокин так объяснил их психологию: «Первые казаки осваивали свободные земли неспешно, поскольку не могли быстро, без длительных и болезненных раздумий и колебаний, решить главный для своего будущего вопрос: надолго ли пришли они сюда или вскоре должны оставить и степные, и водные просторы» [36, 17]. По складу характера и отношению к жизни они были «больше бродягами, воинами-авантюристами, искателями приключений, нежели созидателями-тружениками» [36, 20]. По мнению В.Н. Витевского, яицкие казаки – «народ ловкий, смелый, храбрый, гордый, народ с амбициями, ...стойкий в своих стремлениях и обычаях до упорства, особенно когда задевались их старинные привилегии» [6, 221]. А.Д. Рябинин указал в числе их главных качеств смелость, расторопность, удалство, лукавство, хитрость, недоверчивость и жестокость [25, 369]. К.В. Данилевский и Е.В. Рудницкий пришли к выводу, что «полная тревог и опасностей жизнь и столкновения с соседями выработали в казаках, с одной стороны, смелость, храбрость и удалство, а с другой – хитрость, грубость и жестокость» [11, 186]. Писатель В. Правдухин так представлял себе первых яицких казаков: «Эти ватаги взлохмаченных бродяг думали здесь... в степной глухомани создать особый мир, свое отдельное светлое и независимое государство. Они несли сюда исконный, русский дух, истую дониконовскую веру» [39, 11].

Яицкое казачество, изначально община вольных равноправных людей, сохраняло немало элементов прежнего общинного начала до последних дней своего существования. Это отмечали многие авторы. Необходимо также признать и пренебрежительное

в целом отношение к тем, кто остался за пределами казачьей общины [18, 9]. Не очень дружелюбным было и отношение к чужеземцам, особенно к представителям Востока.

Семейный быт казачества в этот период имел также свои особенности. «Когда казаки только что зарождались – то было слишком давно, тогда они, известно, вели жизнь, большей частью, холостую» [12, 198], – писал И.И. Железнов. Постоянная военная опасность и частая смена мест жительства не позволяли казакам создавать традиционные для тогдашней России семьи. Даже после того, как казаки стали постоянными жителями в своих станицах и городках, пережитки прежней эпохи имели хождение сравнительно долго. Многие исследователи описывали подобные казачьи традиции, сохранившиеся на Дону вплоть до середины XVIII века. Казак за свою жизнь, порой не столь продолжительную, женился помногу раз. Легкость развода также была неоднократно описана различными авторами. Муж, как инициатор развода, приводил жену на майдан, где оглашал свое решение: «Не любя! Кто желает – пусть берет» [1, 25]. Еще в 1745 году проблема неустойчивости брака оставалась актуальна – донскому атаману Даниле Ефремову было указано на необходимость запрета «противного Святым Правилам явления» [26, 424]. К 1903 году среди 67178 уральских казаков, являвшихся приверженцами раскола, «неприемлющих брак» было 6803 [19], или $\frac{1}{10}$ часть.

Женились казаки обычно рано, до ухода на службу, и зачастую это не зависело от них самих, а определялось родителями. Если же казак не женился в ранней молодости, это было связано либо с его физическими или психическими недостатками, либо с его склонностью к «донжуанству», что встречало резкое осуждение. «По понятию уральцев, особенно уралок,

тот казак, который не женился до 25-ти, а особенно до 30-ти лет, – отпетый казак, сданный от Бога на руки дьяволу казак, такому казаку не было и нет прозвища, кроме как забулдыга, шараматок, околотень, старое базло» [12, 198-199], – считал Железнов. Впрочем, традиция ранних браков у казаков появилась лишь в XIX веке. В предыдущем же столетии значительная часть казаков, особенно из числа командного состава, нередко вступала в брак более чем в зрелом возрасте. В 1765 году у 65-летнего старшины Василия Сумкина был восьмилетний сын. У 56-летнего старшины Кирилла Филимонова было два сына 10 и 7 лет. Восьмилетний сын был и у 50-летнего старшины Петра Осипова. Сыну 43-летнего писаря Антона Талакова было 2 года, а у 67-летнего толмача Мавлека Ицмагулова были сыновья 5 и 9 лет. Документы свидетельствуют, что в ту пору многие казаки обзаводились семьями уже после 30 лет [24].

В браке казаки были довольно ответственными и на внешней службе дисциплинированными, что в значительной степени объяснялось желанием скорее вернуться к семье. В подтверждение этому приведем высказывание одного из руководителей среднеазиатских кампаний К.П. Кауфмана. Он считал: «Штрафованных менее всего в казачьих частях, что я объясняю ... краткостью службы казака в крае и его домовитостью, нередко удерживающей его от всего, что может повредить» [29, 182]. Упомянув иногородних и киргизов, Масянов отмечал, что «казаки кровно с ними не мешались» [18, 9]. Возможно, он сгустил краски, но наличие такой словесной эндогамии – факт доказанный.

Казачьи семьи были многодетными, рождаемость у казаков была выше, чем у киргизов и иногородних. В исследуемый период уровень рождаемости у жителей войсковой территории составил 3,4%, а у жителей киргизской степи – лишь 1,5% [21, 5]. Не только у уральцев, но и у казаков других регионов естественный прирост населения был выше, чем у крестьян [38, 110]. Замужние казачки в быту были более свободными, чем их современницы из крестьянских регионов. «Женщины у казаков не только распоряжаются всем в доме, но и воспитывают детей;

оне все знают церковную грамоту и сами даже служат по старопечатным книгам» [2, 40], – писал Н.А. Александров.

Немало споров в исследуемый период было по поводу отношения уральцев к пьянству. Те из казаков, кому вера не запрещала пить спиртного, порой могли этим злоупотреблять, но этот показатель не превышал общероссийского. В отличие от других регионов страны торговля алкогольными напитками в среде уральских казаков весьма жестко регулировалась войсковым правлением. Это касалось объемов и времени торговли, а также количества и местоположения торговых точек [20, 68-69]. Что же касается продажи табака, то разница с общероссийскими показателями его потребления была существенная. Не столь значимое число иногороднего населения и преобладание старообрядцев среди казачества сыграли свою роль. Пользоваться войсковой землей иногородние не имели права, а казаки никому не позволяли выращивать табак, ни на продажу, ни для собственного потребления [7].

В среде уральского казачества издревле присутствовал элемент геронтократии, авторитет и вес стариков в общине был велик. Нередко, приводя в назидание молодому поколению традиции прежних веков, наставники выдавали их за неоспоримое благо. Но защита непоколебимости традиционных устоев не всегда способствовала прогрессу общества во всех сферах. Представители казачьей интеллигенции часто стремились свести роль стариков к минимуму. Не был исключением и И.И. Железнов. Показав ряд примеров, когда действия стариков приводили к далеко не лучшим последствиям, он подвел итог: «Молодое поколение казаков не слишком-то много имеет причин благодарить стариков... Да, немного было на Урале истинно умных и истинно дельных стариков» [12, 111-112]. Тем не менее, Железнов оговаривался, что имелись и исключения: «В настоящее время один истинно благоразумный старец обращает на себя внимание и взоры целого войска, он внушает юношеству прямые правила и святыя обязанности гражданина и воина, он печется об истинном благе казаков и вразумляет неразумных, этот

один, стоящий тысячи своих современников, имеющий полное право на признательность и благодарность потомства и являющий собою живой пример воинских и гражданских добродетелей – заслуженный и всеми уважаемый генерал Ф.Г. Бизянов» [12, 112]. Собственно, речь идет не о простом старике, Федот Григорьевич был не только генералом. В 1837 году он временно исполнял должность войскового атамана, а позже был фактически вторым человеком в войске. К XX веку от прежней непререкаемости авторитета стариков не оставалось и следа.

Качество жилища казака зависело от его материального положения и региона проживания. Подавляющее большинство изб («курень») верхних станиц были из дерева. Они могли быть двухкамерными (изба и сени), трехкамерными (изба – изба – сени) или четырехкамерными (внутренние стены крест-накрест). Их строили бригады иногородних плотников, занимавшихся отхожим промыслом. Поскольку строительная древесина в крае была дефицитом, бревна часто распиливались и при возведении сруба крепились при помощи специальных клиньев и ямок [28, 53]. Дом и хозяйственные постройки располагали в две линии. Первая линия построек вплотную примыкала к дому, вторая располагалась напротив [28, 55]. Строительную древесину привозили, как правило, из Оренбуржья.

По мнению С.К. Сагнаевой, особенности интерьера и планировки двора соответствовали «типу усадьбы и жилищу северорусского комплекса». Наряду с этим южнее Лбищенска прослеживалось «сходство с жилищем донских казаков» [28, 55-56]. Условной границей преобладания деревянных построек был поселок Бударинский, ниже которого преобладали саманные дома, похожие на те, что встречаются на юге Украины (плоская крыша, низкие потолок и окна). Вместо деревянного забора часто использовали плетень. Внутренний двор назывался «куром» или «алом». Хозяйственные принадлежности часто хранились и в самих куренях [11, 187]. Иногда над домом надстраивался еще один этаж, нередко из другого материала. Еще в 1837 году С.А. Юрьевич отметил: «Для степи это богатый город. Одна пред-

линая улица, вся из прекрасных больших каменных домов, и все казаков здешних» [23]. Каменные дома сооружались из желтовато-коричневого кирпича местного производства. По данным на 1847 год, каменных домов в войске было гораздо меньше, чем деревянных (1997 против 9657) [9], но их строительство шло быстро. В 1878 году таковых в области было уже 24 400 [8].

Этноконфессиональные различия влияли на внутреннее убранство жилища, но не на внешний вид. В татарских домах были настенные ковры, в русских – шкафы с красивой посудой, иконы, позже стали появляться картины [11, 187]. Большинство красивых и богатых домов находилось в Уральске, поскольку именно здесь дворянско-офицерская верхушка стремилась занять недвижимость. То же можно сказать и о богатых купцах из казаков (Овчинниковы, Махорины, Колотилины, Вязниковцевы и др.).

Даже у состоятельных казаков дома отличались внешней строгостью, чего нельзя сказать о домах богатых иногородних купцов (Ванюшиных, Кареева и др.) конца XIX – начала XX века. Дома калмыков, живших на Внутренней линии, отличались бедностью и фактическим отсутствием мебели, тогда как жившие на той же линии русские казаки Сламихинской станицы не походили на своих соседей. Н.Ф. Савичев, путешествуя по станицам войска, отмечал, что в Сламихинской «большие дома богатых обывателей деревянные и из воздушного кирпича, крытые тесом, а иные – железом» [35].

Система питания уральских казаков имела конфессиональную и региональную специфику. В кухне уральцев просматривается влияние поморского севера, русского юга и тюркского востока. В целом на нее определенное влияние оказала кухня киргизов, татар, башкир, хивинцев, а также старообрядчество с его запретами и предписаниями. Казаки строго соблюдали посты, редко ели мясо, предпочитая рыбу, а домашнему мясу предпочитали «дикое». В.И. Даль, столкнувшийся со спецификой казачьей кухни, отметил: «Варила хозяйка, ...когда лов разрешался, черную рыбу, а не то баранов резали, ели каймак, а как посты все соблюдались во всей строгости, так и

приходилось в году месяцев шесть хлебать постную кашу да пустые щи» [10, 108-109]. Старообрядцы не ели свинину, чему свидетельством ничтожно малая доля хозяйств, где держали свиней. Кроме традиционных продуктов питания, неприемлемых для старообрядца (томатов, картофеля и т. д.), Даль указал и другие: конину и верблюжатицу, раков [10, 101].

Казачи-старообрядцы часто относились с предубеждением не только к «никонианам», но и к представителям не своего толка или согласия. Они считали, что иноверца нельзя угощать из своей посуды, из его рук нельзя брать продукты и т. п. Отношение к любой иностранной кухне всегда было настороженным, нередко в ней пытались отыскать что-либо «бесовское». Круг чужаков для разных категорий старообрядцев отличался: нехристиане, неправославные («нехристи»), нерусские, не казаки («музланы», «бритоусцы»), не старообрядцы, старообрядцы других направлений и прочие. Несмотря на запрет свинины, сало могли использовать для приготовления различных блюд [32]. Употребляя в пищу много разнообразных фруктов, овощей и зелени, староверы довольно поздно (к началу XX века) стали употреблять в пищу картофель и помидоры. Спутник цесаревича Николая, посетив в 1891 году Уральск и северные станицы войска, не нашел казачью кухню бедной. «Венценосная свита» не знала, чем питаются казаки в обычные дни, но специфические черты местной кухни были подмечены верно. Привыкший к красивой сервировке стола, член свиты отметил «простоту» блюд: «Отдаленность Уральской области от железных дорог и отсутствие поваров заставили... ограничиться самыми простыми блюдами, как-то: осетрина, икра, каймак» [15].

В среде уральского казачества была распространена растительная пища, особенно терновник («торн»), паслен («вороняжка») и другие ягоды [17]. Ягоды и травы играли особую роль в походах, когда возникали трудности с приготовлением горячей пищи или со снабжением. В такие периоды казаки были неприхотливы и обходились тем, что давала природа. Даль упомянул лебеду, солодку, челим, лишайник [11, 111]. В. Н. Витевский указал ягоды и щавель [6, 148].

Кисломолочные продукты составляли значительную часть рациона питания уральских казаков. Как и у донцов, у уральцев были широко распространены «каймак», «арян», «ремчук» и прочее [2, 35; 27]. В низовых станицах было меньше раскольников и больше контактов с кочевниками, меньше коров и больше верблюдов. Там казаки употребляли в пищу «шубат» (верблюжье молоко), «кумыс» (лошадиное молоко) и «кузю» (кумыс с крупой). Казаки верхних станиц, как правило, избегали «басурманские пойла». Обилие кисломолочных блюд – результат контактов с соседними народами. Среди традиционных татарских блюд (каттык, айран, сэт эсте, сэмэ) есть немало тех, что хорошо известны уральцам (айран – арян, эремчэк – ремчук и т. п.) [4; 5; 30]. В приготовлении подобных блюд казачки были «великими мастерицами» [13, 302].

Готовившаяся в домашних условиях лапша у казаков называлась «салма» [16, 37], как и в ряде тюркских языков. Уральцы лишь черный хлеб, называли хлебом: «Если вы спросите у казака хлеб то он, понимая, что вы просите черного хлеба, откажет, хотя у него есть калач» [16, 17]. Казаки ели «кокурки» (изделия из пшеничной муки), иногда с запеченным в них яйцом. Выпекали также «витушки», «жамки», «маканцы» и т. п. Жамки и маканцы были сдобными и сладкими, витушки – завитыми. Если они предназначались для дороги (брались на службу или рыбалку), то после печи их нередко выносили на мороз. На десерт подавали арбузную патоку (бекмес) [17, 117], вяленые дольки дыни (вялушки) [17, 332]. Пастилу (прастилу) обычно делали из торна, который на территории войска рос в изобилии. Из него готовили напитки и варенье [17, 262], а время начала его сбора называли «обволькой», которую часто нарушали: «До обвольки на торон еще слишком долго – недели две, но запасливые хозяйки уже торопятся пособирать торонку» [31].

Для обозначения супа (в том числе ухи) казаки использовали слово «щерба» [13, 463]. В тюркских языках слово «сурпа», «шурпа», «чобра» означает «суп». Похлебку из потрохов называли «ушное» [17, 355-356]. Блюдо наподобие окрошки (разваренку) готовили из ягод, фруктов, овощей при дальнейшем ох-

лаждени [17, 486]. Жидкую кашу из муки и молока называли «баламык» или «саламата» [17, 94]. Джурьму в полевых условиях готовили, растирая муку мокрыми ладонями, с последующим использованием лука, яиц и прочих продуктов [33]. Рыбные блюда считались исконно уральскими. Рыбный пирог «как хлеб-соль выносили при встрече гостей или возвращавшихся казаков» [22, 315]. Праздничный пирог пекли из «красной рыбы» (осетрины), обычный – из «черной рыбы» (частиковых пород). Икра в больших количествах вывозилась из войска на продажу, но в немалых количествах использовалась и для собственного потребления, причем осетровая – как «праздничное», а частиковая – как «постное» блюдо. С. Юрьевич писал: «Для Великого князя сегодня показана была примерная ловля осетров... При нас ...вынута икра, посолена и подана к закуске, ...которую мы с большим аппетитом ели и которую нигде нельзя есть такую вкусную» [23]. Умение казаков быстро приготовить икру удивляло многих. «Красной икрой», ввиду отсутствия в войске лососевых рыб, казаки называли икру щуки, сазана или жереха [17, 275]. Специфическим блюдом уральцев была «былманджа», приготовляемая посредством кипячения в молоке и охлаждения высушенной слизи плавательного пузыря осетра. Полученная масса считалась деликатесом и готовилась по праздникам, а на Пасху была обязательным блюдом [17, 186].

Как и на Юге России, «узваром» («взваром») называли компот. Но не только. Так называли и хмельной напиток на основе изюма, ягод и меда: «Казак урвет свободную минуту, чтобы за чаркою взварца затянуть песню про Якиушку» [34]. Распространен

был квас, готовившийся из ржаных сухарей, сахара и дрожжей. Слабоалкогольным напитком были «буза» и «балваришное пиво». И.И. Железнов, повествуя о казаке Ефремове, писал, что тот «как паша какой, сидел в кругу приятелей и угощал их бузой» [13, 26]. Уряда старообрядцев присутствовал запрет на спиртное, но его обходили. Л.С. Берг, посетив уходцев, вспоминал, что их «квас» по крепости не уступает, но формально это «квас» [3, 2]. Кофе и даже чай не получили широкого распространения. О негативном отношении к чаю свидетельствует описание Г. Хохловым его производства. Уральцу хотелось подтвердить непристойность этого напитка: «Китайцы, обнаженные, мокрые от пота, покрытые сыпями, лишаями и другими накожными, даже иной раз сифилитического характера, болезнями, грязными ногами, покрытыми черной корью, мнут они зеленую мокрую массу... Между нашим народом распространен слух, будто китайцы при упаковке чая в коробья... приносят своему жертву и окропляют чай змеиным салом... Об этом мы в точности дознать не могли» [38, 86]. Согласно представлениям многих старообрядцев, чай, чеснок и табак – проклятые травы, не поклонившиеся Господу, когда он облетал землю. В начале XX века они начали понемногу пить чай, но лишь из чайника, ибо «самовар не признавали, считали, что в нем есть что-то от дьявола» [18, 8].

Таким образом, исследования повседневной культуры уральского казачества дают убедительные доказательства того, что к концу XIX в. оно представляло из себя этнографическую группу, имеющую все субкультурные признаки.

Список использованной литературы:

1. Абаза К.К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб., 1891.
2. Александров Н.А. Казаки: донцы и уральцы. М., 1899.
3. Берг Л.С. Ссылные уральские казаки в Туркестане // Всемирная панорама. 1910. №4.
4. Бромлей Ю.В. Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
5. Бромлей Ю.В. Этнография. М., 1982.
6. Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года Ч. II. Казань – Оренбург, 1889-1897.
7. ГАОО Ф.№6 Оп.№10 Д.№8544 Л.27.
8. ГАОО Ф.№6 Оп.№10 Д.№8544 Л.36об.
9. ГАОО Ф.№6 Оп.№11 Д.№1550-г Л.34.
10. Даль В.И. Уральский казак // Избранные произведения В.И. Даля. М., 1983.
11. Данилевский К.В., Рудницкий Е.В. Урало-Каспийский край. Уральск, 1927.
12. Железнов И.И. Василий Струняшев: роман из казачьей жизни. СПб., 1910.
13. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Ч. I.

14. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.
15. Казачий вестник (Уральск), 1991, №4.
16. Карпов А.Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых уральскими казаками.
17. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яишких) казаков. Т.1. Оренбург, 2002; Т.4. Оренбург, 2003.
18. Масынов Л.Л. Гибель Уральского казачьего войска // Казачий круг. 1991. Спецвыпуск 1. Ч. 1.
19. Обзор Уральской области за 1902 год. Уральск, 1903. Ведомость №9.
20. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900.
21. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1915 год. Уральск, 1915.
22. Правдухин В. Яик уходит в море. М., 1937.
23. Пульс (Уральск). 1992. № 32.
24. РГВИА Ф. №653, Оп. №1, Д. №1, Л.7.
25. Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч.1.
26. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2002.
27. Савичев Н.Ф. Картины из быта уральских казаков // Иллюстрированная газета, 1867, №7.
28. Сагнаева С.К. Традиционное сельское жилище уральских казаков (конец XIX – начало XX вв.) // Уральску – 375 лет. История и историческое краеведение. Уральск, 1988.
29. Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии (40-е-90-е годы XIX века): Диссертация ... к.и.н. Челябинск, 2001.
30. Тишков В.А. Народы и религии мира. М., 1998.
31. Уралец, 1901, №87.
32. Уральские войсковые ведомости, 1868, №42.
33. Уральские войсковые ведомости, 1868, №7.
34. Уральские войсковые ведомости. 1867. №51.
35. Уральские войсковые ведомости. 30 марта 1869.
36. Фокин Н.И. Финал трагедии: уральские казаки в XX веке. М., 1996.
37. Футорянский Л.И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России: Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 1973.
38. Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков вокруг света в 1898 году. СПб., 1903.
39. Чибилёв А.А. Река Урал. Л., 1987.